

альтернативу распространяющейся культуры «отношения с другими», представляющую собой стратегию любознательности и наслаждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левинас Э. Время и Другой. // Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. – СПб., 1998. – С. 21-119.
2. Левинас Э. Трудная свобода.
[//_http://www.filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001017/st000.shtml](http://www.filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001017/st000.shtml). 17.06.08

УДК 81'373.21

СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ ТОПОНИМОВ XIII-XV вв. (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛОЦКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ)

О.П. Голубович

УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье рассматриваются вопросы структуры и словообразования топонимов, предпринимается попытка их классификации, а также анализируется распространённость основных структурных моделей изучаемых топонимов.

The research is based on the names of geographical locations found in the Polotsk documents of the XIII-XV centuries. The article is dedicated to the structural models of the toponyms.

На территории Беларуси деловая письменность как особая разновидность языковой коммуникации появляется еще в эпоху Полоцкого княжества (X-XIII вв.), о чём свидетельствуют найденные берестяные грамоты. Однако отсутствие репрезентативной источниковой базы позволяет лишь высказывать догадки о масштабах использования документов. Наиболее ранние акты материалы относятся к XIII и последующим столетиям. Применительно к Беларуси существует только один регион – Полотчина, документальное наследие которого систематизировано и опубликовано [3, 4]. Данное исследование основывается на изучении топонимикона полоцких грамот, датированных XIII-XV вв. Общее количество проанализированных единиц составляет 1248.

Топонимикон полоцкой деловой письменности – явление историческое, и во многом его состав и форма обусловлены политическими, экономическими и социокультурными условиями, в которых было востребовано появление документов. В связи с этим невозможно дать объяснение некоторым особенностям ономастического материала вне общей канвы развития Полотчины. Так, первоначальный состав топонимических единиц свидетельствует о ключевой роли писаного документа не для внутреннего

использования, а для определения условий внешних контактов жителей Полоцкой земли. Само же развитие деловой письменности в Полоцке во многом является результатом хозяйственной деятельности и необходимости фиксации в документальной форме её последствий и перспектив. Поэтому не является удивительным тот объём упоминаний прибалтийских топонимических объектов в полоцкой деловой письменности. Так, в самой ранней грамоте, датированной 1263 г., находим упоминание про “*Лотыгольскую землю*” [3]. Трудно говорить с уверенностью, но, судя по сохранившимся документам, взаимные отношения в форме актов у полочан было принято оформлять преимущественно с западными партнёрами.

В изучаемый период количество топонимического материала возрастает в разы соответственно увеличению количества грамот. Если в двух относящихся к Полоцку документах XIII в. топонимов всего 16, то в 24 документах XIV в. – 207, а в двух сотнях актов, относящихся к XV в. – более 1000.

Структура топонимов рассматриваемого периода разнообразна. Анализируемые географические названия условно можно разделить на однокомпонентные и многокомпонентные. Причём в количественном отношении преобладает первая группа, составляя около 78 %. Анализ топонимов показывает, что в словообразовании данной группы топонимов определяющую роль играют форманты. Различаются однокомпонентные бессуффиксные топонимы, топонимы, в составе которых присутствует топоформант (суффикс), и составные. Бессуффиксные названия в полоцком топонимиконе XIII-XV вв. составляют более 17 %. Среди них можно выделить топонимы-имена существительные в форме единственного и множественного числа: *Нача, Званица, Травна, Ула, Быстры, Немцы* [3, с. 42, 45, 41, 147, 146, 52].

В полоцкой деловой письменности XIII-XV вв. также встречаются однокомпонентные топонимы – субстантивированные относительные и притяжательные прилагательные в единственном числе: *Белое (озеро), Демьяное (озеро), Железковская (микротопоним)*.

Самую многочисленную группу в полоцком топонимиконе XIII-XV вв. составляют топонимы, образованные при помощи суффиксации. Обнаружены топонимы со следующими суффиксами: -ов (-ев), -ин, -еск, -цк, -к, -ец, -иц, -ыц-а, -иц-а, -на, -но, -ник-и, -ек, -ан, -ј-, -ичи, -н-ы, -ч-, -аны, -ыня, -ца, -цы, -щин-а. Наряду со славянскими топоформантами в изучаемых документах представлены топонимы с субстратными суффиксами – *ва, -та, -жа, -шишки, -ишки, -ти*.

В топонимиконе XIII-XV вв. многокомпонентные названия составляют 27 %. Они представлены дву- и трёхкомпонентными названиями. Трёхкомпонентные топонимы в зависимости от структуры подразделяются на ряд групп: *церков святого Иоанна, Лобунова Аристовая пядь, Великое княжество Литовское*. Встречаются топонимы, которые представляют собой предложные конструкции: «*Тако жь **Новый город на Вельи против Шатеев поставили есмы князю Скирикгаулу, брату своему***» [3, с. 53].

Наиболее многочисленны двукомпонентные образования, в которых один компонент – имя существительное (субстантивный компонент), а второй – имя прилагательное (атрибутивный компонент). Можно выделить две основные модели таких топонимов: 1) словосочетания с прямым порядком слов и атрибутивными отношениями между ними; 2) словосочетания с атрибутивными отношениями, но обратным порядком слов.

Названия с формантом -ский, -цкий в атрибутивном компоненте. Такие названия преобладают среди топонимов анализируемого периода полочкой деловой письменности. Они составляют более 90% многокомпонентных названий.

В качестве мотивирующей основы атрибута в анализируемых сочетаниях выступают названия населённых пунктов: *Бобыницкая дорога – село Бобынич*. В таких топонимах формант *-ский, -цкий* имеет относительно-притяжательное значение, что ёмко передаёт следующий фрагмент из документа 1387 г.: *Так жь село Лебедево, што и к Лебедеву тягло и тянеть, и што Лебедевская волостка, люди вси и села, тая околица* [3, 52].

Обращает на себя внимание и употребление разнокомпонентных вариантов топонима в одном и том же документе и даже в одном и том же предложении: *Князь великий Витовт литовский, наш осподарь, докончал промежи нас и смирил нас вечно, межи Полоцкого города и Ризького города, што бы полочаном добровольно ехати к Ризе, тамже рижаном к Полоцку без всякой завады* [3, с. 108-109]. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что атрибутивный компонент с формантом *-ский* в топонимах полочских документов не являлся субстантивированным.

Интересны номинативные сочетания, имеющие в своём составе слово “земля”. Изменения в политико-правовом статусе Полотчины и формирование особенностей делопроизводственного языка в ВКЛ нашли своё отражение и на топонимическом уровне. Примером являются названия отдельных исторических регионов. Так, в наиболее ранних грамотах для характеристики политико-географических

объектов использовался термин “земля”, который в восточнославянской традиции по одной из трактовок означал страну, государство или край [6, с. 375]. В полоцкой деловой письменности этот термин использовался как для обозначения регионов проживания отдельных этнических групп “Лотыгольская земля”, так и этнополитических общностей “Полоцкая земля”, обладавших традициями государственности. Топоним “Руськая земля” в полоцкой документации XIII - первой половины XIV вв. встретился только в двух источниках. В обоих случаях это договоры с немецкой стороной, и в обоих случаях Полоцк вписывается в контекст “Рускои земли”, под которой имеется ввиду не государство, а скорее максимально широкая этноконфессиональная общность, каковой в то время являлись восточные славяне, пользовавшиеся термином “Русь” как метеоэтнонимом [2, с. 48]. Использование словосочетания “Руськая земля словеть Полоцкая” в документе 1263 г. указывает не только на принадлежность Полоцка к исторической Руси, но и свидетельствует о тождестве этих “земель”. Однако уже в документах второй половины XIV вв. термин “Русь” приобретает иное содержание и обозначает восточнославянские земли, но уже только входящие в состав Великого Княжества Литовского. Хороним “Литва” впервые упомянут в договорной грамоте 1387 г., которая была составлена в Риге [3, с. 55-57]. К началу XV в. “Русь”, в том числе и Полоцк, становится наравне с “Литвой”, не только одним из историко-географических регионов, но и в более широком смысле частью “Литовской земли” [3, с. 96], под которой следует понимать всё ВКЛ. Термин “Литовская земля”, таким образом, вытесняет термин “Руськая земля”, причём первый теряет этноконфессиональную окраску и выступает как хороним, обозначающий сугубо политико-государственное образование.

Таким образом, в полоцкой деловой письменности атрибутивный компонент на *-ский, -цкий* имеет исключительно топонимическую мотивацию. Он указывает на связь объекта номинации с уже известным или более значимым объектом, в полоцких документах чаще всего это названия поселений.

Упомянутые в полоцкой деловой письменности экклезионимы, за одним исключением, были сформированы по принципу связи внутригородского объекта с догматами православной церкви и христианскими праздниками: *Свята Троица* (монастырь Святой Троицы), *церков святого Иоанна*. Единственным исключением является так называемый монастырь *Остьровский* (имевший и другое название – *Святы Иоан*), номинированный так по месту его расположения, а именно острову на реке Двине в районе Полоцка.

Рассматриваемый структурный тип двукомпонентных топонимов в полоцкой деловой письменности XIII-XV вв. являлся самым продуктивным. С использованием данной модели было образовано наибольшее количество географических названий. Среди них доминируют номинации городских населённых пунктов.

Названия с формантом -ов в атрибутивном компоненте. В полоцкой деловой письменности XIII-XV вв. названий с формантом *-ов* в атрибутивном компоненте обнаружено всего 3, причём в грамотах, написанных в самом конце XV в., 1498-1499 годы: Аньтониново Куничное (село) [4, с. 167]. Проселкова земля, Мартинцова земля [4, с. 149-150].

Антропоним *Проселок*, многократно встречающийся в грамотах рассматриваемого периода в составе различных структурных образований, может являться мотивирующей основой атрибутива в агроономии *Проселкова земля*. Однако этот атрибутив может иметь и отапеллятивное происхождение: *Проселок* – расстояние и пути между селеньями, в стороне от городов, от больших дорог, а производное от данного имени существительное *проселковый* обозначает нечто, относящееся к *проселку* [1, с. 508]. Именование *Просёлк* в документах было распространённым и употреблялось как в отношении мужчин, так и женщин: *Проселок Иван, Проселок Федор, Проселковая*. Достаточно известным на Полотчине был боярский род Просёлков, находившийся в вассальной зависимости у наиболее богатого и влиятельного клана Корсаков [5, с. 159-160].

Такая структура в указанный период продуктивной не являлась, впрочем как и в более ранний период. Так, российский исследователь М.А. Ююкин в результате изучения топонимикона древнерусской письменности пришел к выводу, что продуктивность форманта *-ов/-ев* на территории расселения кривичей и соответственно в полоцкой топонимии была ниже среднего показателя [7, с. 18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль, В.В. Толковый словарь живого великорусского языка / В.В. Даль. Т. 3.– М.: Русский язык, 1980. 555 с.
2. Марзалюк, І.А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя старэзатыпы (X-XVII стст.): Манаграфія / І.А. Марзалюк.– Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2003. 324 с.
3. Полоцкие грамоты XIII- начала XVI вв.: В 6 вып./ Акад. Наука СССР. Ин-т истории СССР.– М., 1977-1989.– Вып. 1 / Сост. А.Л. Хорошкевич.– 1977.– 228 с.
4. Полоцкие грамоты XIII- начала XVI вв.: В 6 вып./ Акад. Наука СССР. Ин-т истории СССР.– М., 1977-1989.– Вып. 2 / Сост. А.Л. Хорошкевич.– 1978.– 219 с.
5. Полоцкие грамоты XIII- начала XVI вв.: В 6 вып./ Акад. Наука СССР. Ин-т истории СССР.– М., 1977-1989.– Вып. 5 / Сост. А.Л. Хорошкевич.– 1985.– 195 с.
6. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): В 10 т.– М.: Рус. яз., 1990. 511 с.

7. Ююкин, М.А. Древнерусская ойконимия IX-XIII вв / М.А. Ююкин: Автореферат диссертации. на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык. Воронеж: ВГУ, 2002. 23 с.

УДК 274

**ПРОТЕСТАНТИЗМ В СПЕКТРЕ
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОЦЕССА
В ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ
В МЕЖВОЕННЫЕ ГОДЫ (1921-1939 гг.)**

Н.Н. Гончаров

УО «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье дается краткий обзор этноконфессиональной обстановки в Западной Белоруссии в межвоенный период. Анализируется процесс становления, развития и культовая практика протестантских сект.

The article reviews the ethnic and confessional surrounding in Western Belarus in the between-war time. The process of organization and development of Protestant sects and their cult behaviour has been analysed.

Отсутствие объективного анализа многих проблем, связанных с этноконфессиональной историей Беларуси, настоятельно требует обращения к данному вопросу без наличия каких-либо идеологем.

Исследование проблемы этносоциального и культурного развития западных регионов Белоруссии невозможно без учета той религиозной обстановки, которая сложилась здесь в межвоенные годы. При этом необходимо учитывать следующие существенные факторы:

- во-первых, с момента возникновения политика и религия находились в тесной взаимосвязи. Это обусловлено тем, что политика относится к числу форм человеческой деятельности, функция которых состоит в регулировании отношений между людьми. В свою очередь религия включает в себя в качестве необходимого компонента мораль – не менее значимую форму регулирования интерперсональных отношений. Политика немислима без захвата, организации и реализации власти, которая предполагает навязывание воли определенной социальной группы всему обществу и отдельной личности посредством насилия, права и авторитета. Поэтому политики склонны в роли подобного авторитета использовать, в частности, и крупнейшие религиозные системы, выступающие носителями и защитниками общечеловеческих духовных ценностей;